

ПЛЕНАРНЫЕ ДАКЛАДЫ

Гриневич О. А. (Гродно)

Усадебная поэзия XVIII века: текст и контексты

Отличительной особенностью сверткстлов (или «сквозных» текстов) культуры является наличие напряжения между литературным каноном и новой информацией, содержанием, связанным с историческим, эстетическим, бытовым контекстами эпохи, – то есть противоречия между «кодом» и «сообщением» (Ю. М. Лотман). Актуализация данного противоречия особенно характерна для переходных эпох, характеризующихся сменой эстетических парадигм. XVIII век стал знаковым для развития усадебного текста, поскольку в 40–50-е годы происходит формирование «кода» усадебной поэзии, который впоследствии расслаивается на ряд инвариантных моделей и наполняется различным содержанием в рамках упомянутых контекстов и в 70–90-е гг. испытывает влияние новой сентименталистской эстетики, во многом определившей пути его дальнейшего развития.

Наиболее удачный пример столкновения канона и его нового наполнения является стихотворение Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807), находящееся на стыке разных эстетических парадигм и синтезировавшее разные инвариантные модели усадебного текста – «антиклизированную» (горацианские похвалы сельской жизни), эпистолярную (дружеские послания и «призывания» в деревню), элегическую (медитативная прогулка по усадьбе). На основании стихотворения можно реконструировать структуру усадебного текста XVIII–XIX вв. и определить направления его развития в русской поэзии, которые Державин во многом предвосхитил. Эта структура становится наглядной, если вычленишь из текста его сверткстловые составляющие – риторико-тематические блоки (Ю. К. Щеглов), показывающие историко-литературный фон – литературный и эстетический контекст, повлиявший на риторическую организацию стихотворения.

Стихотворение начинается с релятивного протасиса (Ю. К. Щеглов, [14, с. 353]) – формулы *Блажен, кто...* – стандартного начала дружеского послания, или похвалы сельской жизни, подразумевающего основную антитезу, на которой построен усадебный текст. Зачастую это не столько противопоставление города и деревни, сколько разговор о разных взглядах на мир, о разных образах жизни, которые локализуются в городском и сельском топосах. Город не всегда оценивается отрицательно, иногда авторы усадебной лирики

ограничиваются констатацией того, что и городская, и сельская жизнь в равной степени приятны или, напротив, что разнообразие городской жизни может оказать терапевтическое воздействие. Например, И. М. Долгорукий, выражающий в стихах скорбь о потере супруги, пишет о Москве: «Там знатный свет, там просвещение, / Искусство, промыслы найдешь: / В Москве что шаг, то развлечение, / Двух мыслей мрачных не сведешь» [5].

Следующие две строфы построены как ряд риторических вопросов, развивающих центральную антитезу: зачем же по своей воле ехать в суетный «Петрополь»; можно ли что-то сравнить со спокойной и уединенной жизнью на Званке? Этот прием также является частью усадебного канона, причем нередко риторические вопросы аналогичного содержания выносятся в сильную позицию – в начало текста: «Что значат пышные вельмож, царей чертоги, / Где в мрачной гордости, с холодною, душой / Простые смертные скрываются, как боги, / От взора, от любви подобных им людей, – / Что значат, говорю, пред хижиной моею?» (П. И. Шаликов «К моей хижине», 1810 [13]).

Дальнейшее развитие поэтической мысли в «эталонном» усадебном стихотворении идет несколькими путями, в зависимости от преобладающей жанровой тенденции, относящей его к той или иной инвариантной модели. В похвале сельской жизни или дружеском послании автор может продолжить начатое противопоставление, конструируя идеальный образ жизни или моральный и нравственный облик сельского жителя, зачастую «от противного», т. е. с использованием противительных союзов и частиц: «По барабану встать не тщится, / И свист его пуль не страшит» [8, с. 153] (С. В. Нарышкин «Похвала пастушьей жизни», 1756); «Не слышно труб кровавой славы, / Одних свирелей слышен глас» [12] (М. М. Херасков «Тишина», 1769); «Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных – / Жизнь сельская зовет согласия мои, / В долинах, муравой цветущей устланных, / Где Лухта льет тебе прозрачные струи» [8, с. 393] (М. Н. Муравьев «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову», 1770). Другой путь – «эмпирический» – описание досуга сельского жителя, его занятий и увлечений или чередование пейзажей, характерное для жанра прогулки. Несмотря на большое разнообразие деталей, эта часть усадебного текста также характеризуется формализованностью, стройной риторической организацией (употребление однотипных конструкций, союзов *то... то*; *и... и*; *или... или...*).

Отдав дань традиционному со времен античности противопоставлению городской и сельской жизни на основании

абстрактных категорий (суета – покой, зависимость – свобода, здоровье, согласие, уединение, тишина), Державин переходит к перечислению своих занятий. Эта часть стихотворения сюжетно и композиционно представляет один день из жизни помещика. Она также четко структурирована: строфы объединяются в смысловые блоки, которые «рифмуются» между собой организующим центром: деепричастием (5 строф), пространственной локализацией (7 строф, действие которых происходит в одной комнате). Ритмическую и риторическую организованность придают повторяющиеся в начале строфы союзы (10 строф, объединенных союзом *иль*). Эти элементы «усадебной» риторики структурируют элементы повседневности и на философском уровне играют роль механизма, претворяющего хаос жизни в космос стихотворения. С одной стороны, автор описывает «конкретные жизненные впечатления, открытием которых и стала для русского XVIII столетия его поэзия» [2], с другой – «большинство деталей этого изображения отмечены повышенной семиотичностью и тяготеют к барочной эмблематичности» [1, с. 11].

Стихотворение «Евгению. Жизнь Званская» представляет собой гармоничное соположение формы и содержания, природы и культуры, хаоса и космоса. Несмотря на элементы риторической и ритмической организации, стихотворение обладает композиционной «рыхлостью», что позволило П. Гарту сделать вывод о «невозможности Державина объединить различные мотивы и таким образом ввести новые идеи в свой общий замысел» [Цит. по: 7, с. 82]. Неоднороден и стилистический состав стихотворения – одически возвышенные пассажи с обилием церковнославянизмов сменяются разговорными фрагментами – однако все эти противоречия уравнивают друг друга и служат для создания многомерного и гармоничного образа мира. «Доминирующие формы державинского стиля – дефиниции, антитезы, аналогии и (параллельно) инверсии – выявляют как конфликтность образа мира в сознании автора, так и стремление обрести его целостность» [1, с. 13]. Как отмечает Т. А. Алпатова, «изобилие деталей, форм, планов развертывания картин здесь становится реализацией очень важного для Державина принципа миропонимания, согласно которому в жизни нет ничего неважного» [2].

Возвращаясь к риторико-тематическому «скелету» стихотворения, следует сказать о других топосах, формальных и семантических клише, к которым обращается Державин и которые показывают пути авторской обработки готового материала. Одним из таких клише является описание *locus amoenus* – идеального природного ландшафта – упоминание зеленой травы, прохладных ручейков, пения птиц. Державин обновляет

стандартизированный и «обкатанный» в многочисленных стихотворениях канон использованием богатых аллитераций и нетривиальных образов, продвигаясь по пути детализации: помимо «птиц, поющих средь сетей» и пастушьего рожка в *locus amoenus* Державина входит «тетеревей глухое токованье», «в кустах свист соловьев, рев крав, гром жолн и коней ржанье» [8, с. 343].

Еще одна составляющая усадебной топики включает топос «*фортуны*». Рассуждение о превратностях судьбы, капризах Фортуны, взлетах и падениях, которые преследуют человека, – общее место литературы XVIII в. Державин, обращаясь к этой теме, использует распространенный образ колеса времени, который перекликается с образом мельничных колес в стихотворении В. В. Капниста «Обуховка» (1818), что демонстрирует густой ассоциативный фон, сформированный вокруг данного топоса. В «Жизни Званской» выстроена цепочка ассоциаций и метафор, связанных как с культурным словарем эпохи, так и с биографическим и индивидуально-творческим контекстом, так как именно здесь в тексте эксплицируется фигура адресата – епископа Евгения Болховитинова (1767–1837), историка, археолога и историка литературы, в 1806 г. напечатавшего в журнале «Друг просвещения» биографию поэта. Надежда автора на бессмертие в веках связана с исторической деятельностью Болховитинова («Не зря на колесо веселых, мрачных дней, / На возвышение, на понижение счастья, / Единой правдою меня в умах людей / Чрез Клии воскресишь согласия» [8, с. 349]), и выражается эта надежда на привычном для поэзии XVIII века языке античной мифологии (Клио – муза истории).

Тема времени, в поэзии XVIII века обрастающая рядом устойчивых контекстов, что позволило В. Н. Топорову говорить о наличии «текста времени» в русской поэзии XVIII–XIX вв. [9], является своеобразным индикатором жанрового инварианта усадебного текста. Время в похвалах сельской жизни и некоторых вариантах дружеского послания дифференцируется в соответствии общей антитезой городского и сельского пространств (образов жизни). В городе царствует Фортуна, случай, жизнь человека подвержена «пременам», взлетам и падениям. По отношению ко времени в деревне употребляются устойчивые предикаты – дни/годы *текут/бегут*: «Живу с натурой заодно / И с ней ни в чем не разбиваюсь, / Ее богатством наслаждаюсь, / И дни мои *текут* равно» [6] (И. М. Долгорукий, «Хижина на Рпени», опубл. В 1802); «С волшебной быстротою / Дни резвые *бегут*: / Меж утренней зарею / И сумрачной порою / Лишь несколько минут / Сочтем, мой друг, с тобою!» [3] (П. А. Вяземский, «К подруге», 1815); «Пускай Кубры прозрачной воды / Мне в сердце радости вольют, / И лет моих преклонных

годы / Без огорчений *потекут*» [11] (Д. И. Хвостов, «Ода реке Кубре», 1806). Из приведенных контекстов видно, что глагол *течь* здесь выражает, с одной стороны, спокойствие и безмятежность, с другой – быстротечность времени. Кроме того, данный глагол часто употребляется одновременно и в прямом, и в переносном значениях в пределах нескольких строк, описывая и течение дней, и течение реки, как бы обнажая «плавное» течение поэтической мысли: переносное значение на наших глазах рождается из прямого.

Заключительная часть стихотворения «Евгению. Жизнь Званская» отсылает к зарождающемуся в это время элегическому инварианту усадебной поэзии, развившемуся в творчестве А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского, П. А. Вяземского и др. Причем топос «фортуны» трансформируется в элегическом модусе в топос неотвратимого времени, неизбежности перемен. Время элегии – это время воспоминания, основанное на (со)противопоставлении прошлого и настоящего. Позднее, в 1816 году, Державин вернется к образу реки времени, однако «звуки лиры и трубы» [4] уже не будут рассматриваться им как спасение от забвения. В то же время Державин не оставляет без внимания и традиционные предикаты темы времени, объединяя их в пределах одной строфы и совершая оригинальное обновление известной метафоры: «Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря / Бегущи в тишине по синю волн стремленью: / Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя, / Премудрости ко прославленью» [8, с. 345]. Примечательно, что при сохранении предиката изменяется субъект – текут и бегут уже не дни или годы, а небесные светила «по синю волн стремленью» – то есть то, что течение астрономического времени регулирует.

Возвращаясь к проблеме соотношения «кода» и «сообщения» при реализации инвариантных структур (например, усадебного текста, представленного различными инвариантными моделями), можно провести аналогию с темой и ремой в лингвистике. Если при актуальном членении предложения тема обозначает некую данность, исходную составляющую, известную адресату, а рема – то новое, что сообщает говорящий, то при актуальном членении сверхтекста (конкретной реализации инвариантной модели) тема – это элементы «кода», а рема – «сообщения».

Таким образом, стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская» вбирает в себя разные инвариантные модели сверхтекста и способствует формированию новых инвариантов, так что применительно к нему можно употребить понятие «транстекста» (А. Фаустов), способного устанавливать «подвижную эквивалентность

между горизонтальными связями, ведущими от одного варианта к другому, и вертикальными связями, ведущим от модели к вариантам» [10, с. 25]. Такое срединное положение, с одной стороны, между разными литературными моделями, с другой – между литературными фактами и фактами действительности, позволяет Державину моделировать целостный и многогранный образ мира, а предпочтение «живой» жизни различным литературным структурам и идеологемам дает новый виток развитию усадебной поэзии в последующие века.

Библиографические ссылки

1. Автухович Т. Е. Стихотворение Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» как метафизический автопортрет» // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія, 2013. № 2(156). С. 6–14.
2. Алпатов Т. А. Аксиология Державина (к анализу стихотворения «Евгению. Жизнь Званская») [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии, 2011. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-g-r-derzhavina-k-analizu-stihotvoreniya-evgeniyu-zhizn-zvanskaya>. Дата доступа : 15.03.2019.
3. Вяземский П. А. К подруге [Электронный ресурс] // РВБ : XIX век : П. А. Вяземский. Режим доступа : <https://rvb.ru/19vek/vyazemsky/01text/01versus/028.htm>. Дата доступа : 17.03.2018.
4. Державин Г. Р. «Река времен в своем стремлении...» [Электронный ресурс] // РВБ : XVIII век : Поэты 1790–1810-х годов. Режим доступа : <https://rvb.ru/18vek/derzhavin/01text/163.htm>. Дата доступа : 16.03.2019.
5. Долгорукий И. М. Тальша. Деревня А-и В-ой [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. Режим доступа : https://www.booksite.ru/usadba_new/world/fulltext/stihi/75.htm. Дата доступа : 16.03.2019.
6. Долгорукий И. М. Хижина на Рпени [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. Режим доступа : https://www.booksite.ru/usadba_new/world/fulltext/stihi/94.htm. Дата доступа : 17.03.2019.
7. Мейор А. Г. Пространство и время: Державин и Пушкин (стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская») // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 79–87.
8. Русская литература – век VIII. Лирика / Сост., подг. текстов и коммент. Н. Кочетковой, Е. Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского [и др.]; вст. статья Н. Кочетковой. М. : Худож. лит., 1990. 735 с.
9. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. М. : Языки славянской культуры, 2003. Т. II : Русская литература второй половины XVIII века : Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев : Введение в творческое наследие. Кн. II. 928 с.
10. Фаустов А. А. «Первая любовь» как текст русской литературы : логика развертывания и варьирования // Текст в тексте – Культура в культуре. Русская литература (19 век) в контексте динамики культуры : сб. науч. ст. Будапешт–Тарту : L'Harmattan, 2014. С. 76–98.
11. Хвостов Д. И. Ода реке Кубре [Электронный ресурс] // РВБ : XVIII век : Поэты 1790–1810-х годов. Режим доступа : https://rvb.ru/18vek/poety1790_1810/01text/18hvastov/154.htm. Дата доступа : 17.03.2019.

12. Херасков М. М. Тишина [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. Режим доступа : https://www.booksite.ru/usadba_new/world/fulltext/stihi/6.htm. Дата доступа : 16.03.2019.

13. Шаликов П. И. К моей хижине [Электронный ресурс] // РВБ : XVIII век : Поэты 1790–1810-х годов. Режим доступа : https://rvb.ru/18vek/poety1790_1810/01text/37shalikov/252.htm. Дата доступа : 16.03.2019.

14. Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб. : Гиперион, 2004. 720 с.

Занкавец А. А. (Мінск)

«Будзем мове вучыцца, пакуль смерць не лучыбба»: тыповыя памылкі вучняў у лінгвістычных заданнях па беларускай мове

На працягу пяці год (з 2014 па 2019 гг.) Савет маладых вучоных філалагічнага факультэта БДУ праводзіў лінгвістычны конкурс для старшакласнікаў горада Мінска «Гульня слоў». Конкурсная работа складалася з 15 заданняў па рускай і беларускай мовах, у тым ліку супастаўляльных; пасля заканчэння конкурсу заданні з адказамі былі апублікаваныя [1, 2, 3]. Штогод удзел у «Гульні слоў» бралі ў сярэднім 300 навучэнцаў мінскіх школ, гімназій і ліцэяў. Аналіз работ паказвае, што заданні па беларускай мове для вучняў больш складаныя, чым заданні па рускай мове. Артыкул прысвечаны тыповым памылкам, якія былі зроблены ўдзельнікамі конкурсу ў заданнях па беларускай мове.

Штогод аўтары конкурсу прапаноўвалі ўдзельнікам заданні па беларускім правапісе – зразумела, звязаныя з арфаграфічнымі цяжкасцямі. Асобныя з гэтых заданняў патрабавалі веданне і іншых галін беларускай мовы. Некаторыя прыклады прыведзены ніжэй.

1. *Перакладзіце словы на беларускую мову і падкрэсліце тыя, у якіх ёсць гук [д]: дзверь, двух (девочек), депутат, дивизия, дневник, жало, колодец, медведь, подвиг* (заданне 2019 года).

З гэтым заданнем справіліся амаль усе ўдзельнікі. Прадказальна складаным для перакладу было слова *двух (девочек)* – *дзвюх* (досыць часта гэта слова было падкрэслена, значыць, было перакладзена як *двух*).

2. *Шэраг слоў у беларускай і рускай мовах супадаюць па значэнні, маючы толькі нязначныя адрозненні ў напісанні. Запішыце прыведзеныя словы па-беларуску: аура, каучук, клоун, пауза, президиум, раунд, сауна, соус, страус, фауна* (заданне 2017 года).

Відавочна, што заданне актуалізавала веды па правапісе нескладовага у (ў) [4, с. 20–21]. Заданне выявілася досыць складаным для ўдзельнікаў. Найбольш распаўсюджаная памылка – выкарыстанне ўстаўнога гука в там, дзе на самой справе яго няма: *кавучук, кловун, соvus, страvus*. Адначасова гэтая памылка ў пэўнай ступені суцязальная: вучні ведаюць пра такую асаблівасць беларускай мовы,